

Научная статья / Research Article

УДК 94 (574)

DOI: 10.36718/2500-1825-2022-3-341-355

Акмалдин Сапардинович Ажидинов¹, Алияш Тойбековна Дуйсекова²,
Нурсултан Наурызгалиевич Отеуов³✉

^{1,2,3} Центральнo-Азиатский инновационный университет, Шымкент, Республика
Казахстан

^{1,2,3} nursultan.nurik.2014@inbox.ru

КАЛМЫЦКО-ДЖУНГАРСКИЙ СОВМЕСТНЫЙ ПЛАН ВОЕННОЙ АГРЕССИИ НА КАЗАХСКИЕ ХАНСТВА В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

До начала XVII в. отношения между джунгарами и калмыками, с одной стороны, и казахами – с другой были добрососедскими и миролюбивыми. Целью взаимных набегов являлось не расширение территории своих кочевий, а только лишь стремление поживиться скотом, имуществом, пленными. На рубеже XVI–XVII вв. часть ойратских племен даже была подчинена казахским ханам, а «цена вопроса» была не столь принципиальна. Положение резко изменилось с образованием Джунгарского ханства, захватнические интересы правителей которого стали чрезвычайно возрастать по причинам объективного характера: кочевое скотоводство постоянно требовало все новых и новых площадей, а развитие экономических отношений – постоянных выходов к торговым центрам. Именно этим объясняется стремление джунгаров изгнать казахов с их земель, представлявших для обоих народов стратегический интерес. При хунтайши Батуре противоречия между джунгарами и казахами переросли в непрерывные войны. Эрдени Батура совершил несколько завоевательных походов против казахов. После его смерти в Джунгарском ханстве начались феодальные междоусобицы, и военные действия на некоторое время прекратились, но с приходом к власти хана Галдан Бошокту-хана противостояние вновь обострилось и при Цеван-Рабдане переросло в череду кровавых столкновений. Это были уже организованные, спланированные широкомасштабные военные действия, повлекшие ряд важных политических последствий для обеих сторон конфликта и определенным образом изменивших историю этих народов. Задачами исследования стали систематизация и обобщение исторических фактов, касающихся причин калмыцко-джунгарской агрессии против казахских ханств, стратегия и тактика проведения военных действий. В результате исследований выявлены причины агрессии джунгаров против казахских жузов, рассмотрен ход военных действий в период казахско-джунгарских войн, оценены их последствия. Исследование проведено с использованием как общенаучных методов (системный, диахронический), так и собственно исторических (нарративный, хронологический).

Ключевые слова: казахско-джунгарские отношения, калмыцко-джунгарская агрессия, Джунгарское ханство, Казахское ханство, казахские жузы, хан Галдан-Бошокту, Цеван-Рабдан, хан Аюка, хан Тауке, хан Абулхаир.

Для цитирования: Ажидинов А.С., Дуйсекова А.Т., Отеуов Н.Н. Калмыцко-джунгарский совместный план военной агрессии на казахские ханства в конце XVII

Akmaldin Sapardinovich Azhidinov¹, Aliyash Toybekovna Duysekova², Nursultan Nauryzgalievich Oteuov³✉

^{1,2,3} Central Asian Innovation University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^{1,2,3} nursultan.nurik.2014@inbox.ru

**KALMYK-DZUNGARIAN JOINT PLAN OF MILITARY AGGRESSION
AGAINST THE KAZAKH KHANATE AT THE END OF THE XVII –
BEGINNING OF THE XVIII CENTURY**

Until the beginning of the XVII century, relations between the Dzungars and Kalmyks, on the one hand, and the Kazakhs, on the other, were good neighborly and peaceful. The purpose of mutual raids was not to expand the territory of their nomads, but only the desire to profit from cattle, property, prisoners. At the turn of the XVI–XVII century part of the Oirat tribes was even subordinate to the Kazakh khans, and the "price of the issue" was not so fundamental. The situation changed dramatically with the formation of the Dzungar Khanate, the predatory interests of the rulers of which began to increase extremely for objective reasons: nomadic cattle breeding constantly demanded more and more new areas, and the development of economic relations – constant exits to shopping centers. This explains the desire of the Dzungars to expel the Kazakhs from their lands, which were of strategic interest to both peoples. Under Juntaishi Batur, the contradictions between the Dzungars and the Kazakhs grew into continuous wars. Erdeni Batyr made several aggressive campaigns against the Kazakhs. After his death, feudal strife began in the Dzungar Khanate, and hostilities ceased for some time, but when Khan Galdan Boshoktu came to power the confrontation escalated again and at Seban Rabtan escalated into a series of bloody clashes. These were already organized, planned large-scale military operations, which entailed a number of important political consequences for both sides of the conflict and in a certain way changed the history of these peoples. The objectives of the study were the systematization and generalization of historical facts concerning the causes of the Kalmyk-Dzungar aggression against the Kazakh khanates, the strategy and tactics of military operations. As a result of research, the reasons for the aggression of the Dzungars against the Kazakh Juzes were identified, the course of hostilities during the Kazakh-Dzungarian wars was considered, and their consequences were assessed. The study was carried out using both general scientific methods (systemic, diachronic) and historical methods (narrative, chronological).

Keywords: Kazakh-Dzungar relations, Kalmyk-Dzungar aggression, Dzungar Khanate, Kazakh Khanate, Kazakh Juzes, Galdan-Boshoktu Khan, Seban Rabtan, Ayuka Khan, Tauke Khan, Abulhair Khan

For citation: Azhidinov A.S., Duysekova A.T., OteuoN.N. Kalmyk-dzungarian joint plan of military aggression against the kazakh khanate at the end of the XVII – beginning of the XVIII century // Socio-economic and humanitarian journal. 2022. № 3. S. 341–355. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-3-341-355.

Введение. Агрессивные планы джунгаров в отношении казахских ханств с целью территориального захвата никогда не принадлежавших им земель стали весьма активно оформляться, а затем и реализовываться-

ся со второй половины XVI в., хотя и более ранние периоды не отличались длительным мирным сосуществованием. Однако практически не прекращающиеся стычки ойратов с казахскими жузами не носили характера тщательно продуманной и подготовленной войны по всем направлениям: на север, северо-восток и запад.

Как свидетельствуют ряд исторических источников того времени и глубоких последующих исследований, столкновения джунгарских племен ограничивались грабежом, разбоем с взятием пленных, угоном скота, захватом имущества и только. Так это происходило, например, в Семиречье, которое за два века до рассматриваемых событий не принадлежало ойратам, а свои набеги в XV в. они совершали туда с целью «грабежа и разорения...» [1, с. 170]. Подтверждение этому содержится и в «Абул-Хайр хана». В одном из отрывков повествуется о нашествии на Моголистан ойратов в 50-х годах XV столетия, когда ойратский правитель тайши Уз-Тимур «приказал, чтобы воины привели в порядок оружие и явились ко двору. На другой день все нечестивые воины...отправились с женами и домочадцами. Когда они достигли берегов оз. Чу, оставили здесь жен и домочадцев, и обозы и отправились далее в набег...» [1, с. 168]. После грабежа было заключено очередное ойратско-казахское перемирие (1457 г.), и отряды Уз-Тимура направились «в сторону Калмак, которая являлась наследственным уделом его» [1, с. 170]. Таким образом, средневековый летописец подчеркивает, что ойратам земли Семиречья не принадлежали.

В 30-х годах XVI в. захватническая политика джунгаров резко изменяется от одноразовых, пусть и частых, набегов с заключением последующих перемирий до последовательной стратегии территориального захвата. И.Я. Златкин указывает на не вполне ясные причины такого резкого изменения казахско-ойратских отношений от мирных и добрососедских до явного и активного противостояния [2, 42]. Но большинство исследователей, таких, как И.Я. Златкин, С.К. Богоявленский, В.А. Моисеев, Б.П. Гуревич, М.Х. Абусейтова и другие, сходятся в одном: вновь образованное Джунгарское ханство, сформировавшееся на северо-западе Центральной Азии из монгольских племен хойтов, чоросов, дербетов, отчасти торгутов и хошутов [3, с. 16], испытывало крайнюю нужду в новых землях, новых пастбищах [4, с. 21], поскольку занятие кочевым скотоводством требовало расширения кочевий. Особенно привлекательными были южные земли с большим числом городов, а следовательно, и большими возможностями для торгового обмена: сырдарьинские города и подходы к ним были весьма лакомым кусочком для ойратов. На этом направлении стычки между казахами и джунгарами приобрели постоянство с перманентным успехом, чему есть свидетельство английского купца и путешественника Э. Дженкинсона, пытавшегося безуспешно проехать в 1557 г. из Средней Азии в Китай. Спор, по его мнению, был из-за Ташкента [5, с. 90–91].

Определенно говорить, что именно земельно-торговый вопрос стал двигателем обострения казахско-джунгарских отношений не вполне корректно и исторически объективно. К.А Пищулина [6, с. 119, 125–126], а вслед за ней В.А. Моисеев [3, с. 15–16] называют более глобальную причину, содержащую не только экономическую, но и политическую подоплеку. Таким мотивом становится стремление к богатству и власти и, соответственно, отнятие этого у того, кто этим обладает.

Но, как бы то ни было, до некоторого времени победа, как правило, оставалась за казахами, что также находит подтверждение в исторических свидетельствах той эпохи. Так, посол Ивана Грозного Д. Глубин, побывавший в ногайских улусах, пишет, что казахи подчинили своей власти ойратов, действуя более сплоченно и организованно: «А пришла весть к Шихмамай мырзе от юргеньского царевича, а сказывают, государь, что казаки доволна хотят идти ногаи воевать. А сказывают, государь, казаки сильны, и колмаки им предались... И Шихмамай и Исуп и иные мурзы, кои с ними кочуют, стоят в заставе за Яиком (Урал) на реке на Есме всю зиму, берегутся от казахской орды» [7].

Как справедливо замечает Г. Мендикулова, определенную роль в побудительных мотивах захватнической политики сыграли культурные и религиозные различия двух миров: тюркского и монгольского [8, с. 89–90]. Таковы были геополитические и культурно-религиозные предпосылки агрессивных планов джунгаров в отношении Казахского ханства.

Цель исследования. Анализ стратегий и тактик калмыцко-джунгарских планов захвата казахских территорий в конце XVII – начале XVIII века.

Задачи исследования. Систематизация исторических фактов, касающихся последовательности формирования планов захвата казахских территорий, стратегии нападения и хода военных действия.

Методология исследования. Структура и содержание исследования определили комплекс его методов, к которым относятся системный, нарративный, диахронический, хронологический.

Результаты исследования и их обсуждение. На рубеже XVI–XVII вв. жизнь ойратских племен резко изменяется. Начинается период кочевья: дербеты и торгуты направляются на северо-запад, через юг Западной Сибири и территории Северного Казахстана к Волге, где впоследствии будет образовано Калмыцкое ханство с российским протекторатом (рис.).

Калмыцкие кочевья в конце XVI – начале XVIII в.

С конца XVI в. кочевья джунгар располагались на среднем и верхнем Иртыше, в районах Камышлова, по верховьям Тобола, Ишима, а часть калмыцких племен (впоследствии – волжские калмыки) заняла территории в междуречьях Волги, Эмбы и Урала. Движение джунгар на северо-запад создавало серьезную опасность для казахов.

В свое время В.В. Григорьев по этому поводу заметил: «Таким образом монголы в самый короткий промежуток времени снова сделались повелителями стран от Сибири до Индии и от Китая до Кавказа. Орда Хо-Урлюкова простиралась до 50 000 кибиток и могла выставить в поле до 30 000 хорошо вооруженных всадников, а за нею тянулись, в том же направлении к Волге, толпы других калмыков» [9, 58]. Об этих же событиях «История калмыцких ханов» повествует следующее: «Тогда никто не мог препятствовать ему утвердиться там, потому что, кроме слабых татар, никого не было. Русских городов тоже было мало. Между тем эта дальняя страна, изобильная травой, для ойратов была как нельзя удобнее для кочевания. Таким образом, Хо-Урлюк от Урала до Волги, от Астрахани до Самары (Самур) расположил своих подвластных на постоянные кочевья. Хотя эта страна и принадлежала Цаган Хану (Белому Царю), но Хо-Урлюк, несмотря на дружественные сношения, овладел этой страной, которая ему нравилась, не доводя о том до сведения царя и не подчиняясь ему» [10, с. 51].

Хошуты переселяются в Кукунор и создают самостоятельное ойратское государство. Причины переселения и до сих пор не совсем ясны, но дальнейшие события (первой половины XVII в.) – это череда побед и поражений, то одной, то другой стороны.

Вторая половина 20-х годов XVII в. стала периодом затишья в казахско-ойратских отношениях, вызванном внутренними разногласиями, но уже с 30-х годов Казахскому ханству начинает противостоять на востоке юго-восточная группа ойратских племен, во главе которых стал Хара-Хула. С именем его сына Батура (ум. 1654), получившего от Далай-ламы титул хунтайши, и связано объединение джунгарских племен, оставшихся в Джунгарии, в единое Джунгарское ханство к середине 30-х годов XVII столетия. Ханство имело весьма мощный административно-государственный аппарат. По замечанию И.А. Златкина, оно представляло собой «сравнительно высокоорганизованное, объединенное феодальное государство с твердой центральной властью, успешно преодолевшее сепаратизм местных князей» [2, с. 276]. Кочевое феодальное государство джунгар располагалось на достаточно ограниченной территории с вертикальным циклом кочевья. Но именно это обстоятельство (при высокой плотности населения) давало возможность для быстрого сбора войска и создания эффективной маневренности.

Начало казахско-джунгарских войн датируется 1635 г. Инициатором нападения стало Джунгарское ханство, во главе которого тогда находился Эрдени Батур-хунтайши. Это был не просто очередной набег, а хорошо организованная военная операция, преследующая не только экономические, но и политические цели.

Казахское ханство оказалось с трех сторон в окружении джунгарского войска. К тому же единства в самом ханстве не было, а среди правящей элиты существовали разногласия, в том числе и в оценке сложившейся ситуации. Казахи нуждались в вожде, который смог бы объединить их и возглавить борьбу. Им стал Джангир (Жангир), сын хана Ишима (Есима). Ч. Валиханов пишет: «Во второй четверти XVII в. при том же хане Ишиме загорелась борьба киргиз-казаков с усилившимися калмыцкими (джунгарскими) властителями» [11, т. 4, с. 200].

Исторический источник свидетельствует: «Черные колмаки тайши, Талай тайша, да Контайша, да Кужитайша, да Тоургоча тайша со всеми черными колмаки сее зимы ходили на Казачью орду, а Казачьи орды люди пошли было на черных калмаков. И как де черные калмаки сошлись Казачьи орды с людьми, и был да у них бой великий. И черные де калмаки Казачьи орды людей побили...» [12, с. 239].

Именно в этом сражении Джангир был взят в плен, но освободившись из него, продолжал борьбу с джунгарами. Эти действия не могли быть, разумеется, оставлены Батуром без ответа. Его целью было не столько усмирение соседей-казахов, сколько их полное уничтожение. Джунгары все ближе и ближе надвигались на казахские улусы. В 1644 г. русский посол в Джунгарии Г. Ильин сообщает о походе Батура в казахские улусы «да на Ялангуша, да на алитов-киргизов. А ходило де с ним воинских людей 50 тысяч» [12]. Военной добычей Батура стали «две землицы алтай-киргизов да токмаков тысяч з 10» [12].

Джангир не мог оставить без ответа эти действия противника и тщательнейшим образом подготовил и провел в Джунгарском Алатау операцию, вошедшую в историю под названием Орбулакская битва. У Джангира было всего 600 вооруженных всадников, поэтому он не стал вступать в открытый бой, но, по определению А.И. Левшина, «искусный в войне, употребил для обороны своей весьма благоразумное средство» [13, с. 160]. Умело используя особенности горной местности, укрепил свои позиции, сделав подходы к ним практически недоступными. Один отряд Джангир поставил в засаду, что дало ему важное тактическое преимущество в узком пространстве боя. Джунгары не ожидали удара с тыла. К тому же воины Джангира отличались отважностью и были хорошо вооружены. Тот же Г. Ильин рассказывает об этой операции: «И Янгир де покопав шанцы меж камней, и в те шанцы посадил 300 человек с вогнанным боем, а сам с тремя стами став в прикрытье за камнем. И он тайша с воинскими людьми приступил к шанцам и ис шанцов до у Контайши побил много людей» [12]. К казахам на помощь пришел отряд хана Алантуша (Жалантос) с двадцатью тысячами воинов, и калмыки вынуждены были отступить. Батур в этом сражении потерял, по свидетельству Г. Ильина, «тысяч з 10» [12].

В 1646 г. Эрдени Батур вновь идет походом на казахов. «...Ходил комтайша войною в Казачью орду на Янгирова царевич и многих людей побил, да и брата Янгирова с женою и з детьми и со многими людьми в полон взял», – сообщает тобольский боярин Д. Аршинский [12, с. 277]. Военные действия продолжались и в следующем году, о чем имеется свидетельство джунгарского посла Хорохая Далдина, который сообщал томским властям: «была де контайши войны черными ж колмаками с Кунделенем-Убашою. Да он же бился с Казачью ордою и после же с ними помирился докаместа от них задору не будет» [12, с. 306].

На этом формально война закончилась, однако Джангир погибает в сражении с войском Эрдени-Батура в 1652 г., следовательно, военные действия не закончились перемирием 1647 г., а продолжались перманентно и с переменным успехом и позднее.

Казахско-джунгарская война 1643–1647 гг. показала способность казахов противостоять джунгарской агрессии, но при условии жесткой централизации власти, установлении союзнических военных соглашений с соседствующими народами (киргизами, башкирами, ногайцами, каракалпаками).

Между тем Казахское ханство к началу последующих войн с джунгарами было при наличии иерархической власти весьма рыхлым образованием, а сама централизованная власть расшатывалась ханами и их наследниками. Низкая плотность населения, племенная рознь, отсутствие тесных экономических связей между тремя жузами негативно сказывались и на деятельности административного аппарата, и на состоянии военных соединений.

Все это в конечном итоге сделало джунгар опасными противниками и создало предпосылки для организованного военного вторжения на территории казахских жузов. Распад Джунгарии после смерти Батура был преодолен его сыном Галдан Бошокту-ханом (1677–1697), правителем Джунгарского ханства с 1670 г. Ему и принадлежит идея целенаправленного захвата казахских территорий.

Первая военная компания Галдана относится к началу 80-х годов XVII в. Целью военного захвата были определены Семиречье и Южный Казахстан. Эти действия одновременно были направлены против Казахского ханства, прежде всего, Старшего жуза, и государственных среднеазиатских образований. Ойраты-калмыки начали продвижение на северо-восток к окраинам Средней Азии. Одновременно кочевое население двигалось к центру среднеазиатского региона [14, с. 7].

Политической мотивацией похода Галдана стала его обеспокоенность процессами, происходившими в то время в Казахском ханстве. Хан Тауке вел политику укрепления и объединения ханства, планомерную и опирающуюся на узаконенные при его правлении правовые нормы. Кроме того, у Галдана, по-видимому, было намерение в случае победы побудить казахов принять ламаизм.

Военная кампания Галдана закончилась успешно, хотя численность объединенной казахской и бухарской армий превышала джунгарскую. Однако действия казахско-среднеазиатского военного соединения отличались несогласованностью, низкой маневренностью, в то время как джунгарское войско было высокоорганизованным, стремительно проводило боевые операции при четкой продуманности военной тактики. Эта слаженность и стремительность джунгарского войска позволили Галдану разгромить целый ряд казахских улусов, захватить девять городов, ранее находившихся под властью хана Тауке. Как отмечено в документах Сибирского приказа, в числе этих городов Сайрам, Менкент, Харас, Чимыгэт, Текек, Бабан Елган, Харамурол, Ташкент, Чинак [15]. Ташкент сдался добровольно, а Ясы (Туркестан) вообще не подвергался осаде, поскольку там находился с основным и хорошо подготовленным войском сам хан Тауке.

После захвата и разграбления обширных районов Южного Казахстана и части Средней Азии военные действия Галданом были прекращены, поскольку тот решил активно вмешаться в феодальные междоусобицы монгольских ханов и не позволить присоединить Монголию к Цинской империи, объединив и взяв всех северо-монгольских ханов под свою власть.

Демаршами Галдана воспользовались, с одной стороны, казахи, напавшие и разорившие ряд ойратских кочевий, находившихся на границах с Джунгарией. С другой стороны, пока Галдан находился в Халхе, власть захватил его племянник Цэван-Рабдан (1663–1727). Наконец, Цинская империя также оказала сопротивление Галдану, в результате

чего он потерпел поражение. Плодами столь успешно проведенной войском джунгаров кампании, направляемых амбициозными планами Галдана, ему самому не пришлось воспользоваться: в 1697 г. он кончает жизнь самоубийством. Автор «Муким-ханской истории» пишет не без сарказма по поводу того, что Галдан не закончил военные действия на южно-казахстанском – среднеазиатском направлении и не продвинулся вглубь Средней Азии: «Калмыцкий народ, по численности больший, чем муравьи и саранча, более дерзкий и бесстрашный, чем лев и тигр, выступив против нас, понес наказание» [16, с. 144].

Между тем агрессивные планы в отношении казахских жузов отнюдь не были забыты джунгарами. С конца XVII – начала XVIII в. начинается новый виток военных действий и, по справедливому замечанию И.Я. Златкина, именно Джунгария и политика ее руководителей стала главной опасностью для «самостоятельности феодального Казахстана» [2, с. 215].

Обрисовывая военно-политическую расстановку сил, направленных против казахских жузов, А.И. Левшин пишет: «С запада стали нападать волжские калмыки, с севера – башкиры и сибирские казаки. Страшнее всех были с востока зюнгары» [13, с. 165–166].

Во время правления хана Тауке (казахский хан после 1651 г., сын хана Джангира), стремившегося к централизации власти и объединению земель, положение оставалось достаточно стабильным. К тому же личные качества хана делали его авторитет практически непререкаемым в среде улусных ханов. Широко известна характеристика, данная ему А.И. Левшиным: «При имени сем сердце всякого киргиз-казака ... наполняется благоговением и признательностью. Это Ликург, это дракон орд казачьих. Он успокоил их после губительных междоусобий, он остановил кровопролития, продолжавшиеся несколько лет от распрей одних племен с другими, он убедил всех умом и справедливостью повиноваться себе, он соединил слабые роды вместе для сопротивления сильным, а сильные усмирил, и дал все общие законы, по которым судил их, и которые доныне живут в памяти благоразумнейших киргизов...» [13, с. 164–165].

В 1697 г. Цэван-Рабдан возглавил Джунгарское ханство. По сути дела, именно с этого периода начинается очередной виток джунгарской агрессии по отношению и к казахским жузам. Он стал организатором вторжения джунгарских войск на территорию казахских жузов в 1698–1699 гг., 1708, 1709–1712 гг., 1714, 1717, 1723, 1725 гг. Череда казахско-джунгарских войн завершилась лишь к 1730 году.

Стремление Цэван-Рабдана к господству на огромной территории не остается без внимания цинского двора. Стремительное усиление джунгаров, их захватническая политика в Восточном Туркестане, Казахстане и Средней Азии начинает вызывать обеспокоенность маньчжурской династии. Так, император Канси указывает своим министрам на резкое

изменение поведения Цэван-Рабдана: «Прежде Цэван-Рабдан обнаруживал в своих докладах преданность и благоговение, но после того как был уничтожен Галдан да одержал он победу над хасаками и получил некоторое число военнопленных, он начал мало-помалу переменяться. Теперь, присоединив к себе торгоутов, час от часу становится надменнее» [17, с. 19].

Особую привлекательность для Цэван-Рабдана, впрочем, как и для его предшественника, имели южно-казахские территории, богатые пастбищами, водными ресурсами и караванными путями. Более того, в результате военного союза Цэван-Рабдана с калмыцким ханом Аюкой был разработан совместный план одновременного нападения на казахские жузы сразу по двум направлениям: с северо-запада и востока, что, безусловно, при отсутствии единой армии и централизованного руководства представляло для казахов смертельную опасность. Однако они в ответ на вторжение джунгар (1698 г.) сумели организовать ряд нападений. Так, удачной для казахов стала компания 1702 г., когда они одновременно нанесли удар и по волжским калмыкам, и по самой Джунгарии. И все же к концу XVII – началу XVIII в. военное счастье более благоволило тому же Аюке, нанесшему чувствительные удары по казахам и туркменам и взявшему под контроль земли на Мангышлаке и в бассейне Эмбы [18].

Военные действия продолжались в 1709–1712 гг. Казахским землям и самому народу грозила реальная опасность. В 1710 г. в Каракумах был созван съезд казахских правителей и батыров, главными результатами которого стали создание объединенного казахского ополчения во главе с батыром Богенбаем (Малый жуз) и разработка военного плана отпора джунгарам. Вот свидетельство этого исторического события: «В 1710 году некоторые старейшины и начальники семейств из числа тех родов, которые располагались в песках Каракумах, собрались для совету, дабы употребить все усилия к единодушной защите друг друга до последней капли крови. Слабые души даже среди сего собрания обнаружили страх свой и предлагали искать безопасности от милосердия контайши, другие хотели оставить жилища свои и спастись бегством за реку Волгу, а некоторые, подобно зайцам, желали рассеяться в разные стороны и поколебали было постоянство многих. Но известный в то время по храбрости старшина Буканбай уничтожил сии предприятия их» [9, с. 205].

Богенбай смог скорректировать действия военных отрядов всех трех жузов и нанести чувствительные удары по силам джунгаров. В итоге к 1714 г. захваченные джунгарами казахские территории были освобождены.

Однако после смерти авторитетного хана Тауке, старейшего и благоразумнейшего из ханов (по оценке А.И. Левшина) [13, с. 166], предположительно в 1715 г. вновь появилась почва для сепаратистских настроений казахских улусных ханов, чтобы ослабить жузы перед джунгарами. Помимо того, в Джунгарию перекочевывают не менее 60 тыс. волжских калмыков, значительно усиливших ее боевой потенциал.

Исторические источники не оставляют сомнений, что военные действия инициировались то одной, то другой стороной с переменным успехом, но идея господства над огромными территориями, в том числе и никогда им не принадлежащими, была идеей, созревшей в умах джунгарских правителей. Это была идея, если можно так сказать, панджунгарства.

Крупные военные стычки между джунгарами и казахскими жузами продолжались в 1709, 1711–1712, 1714, 1716–1718 годах. Кровавопролитным, сопровождающимся значительными людскими и материальными потерями, было военное столкновение Старшего и Среднего жузов в 1716–1718 гг.

До 1722 г. было относительное затишье, но в 1723 г. новый император Китая Юнчжэнь заключил союз с Цэван-Рабданом. Теперь последнему опасность со стороны Китая пока не угрожала, и он снова возвращается к планам военного нашествия на казахские земли.

Из сохранившейся переписки 1723 г. Цэван-Рабдана и хана волжских калмыков Аюки (1646–1724, правление с 1672 г.) ясно, что хан Джунгарии весьма заинтересован в военно-политическом союзе с волжскими калмыками, который позволил бы организовать одновременное нападение: с запада – калмыков на Младший жуз, с востока – джунгаров. Он сообщает Аюке о своей трехлетней войне с казахами и каракалпаками, намерениях кочевать у Волги и Яике и желании закрепить союз браками родственниц Аюки со знатными джунгарами своего рода [9, с. 184].

К февралю-марту 1723 г. в районе рек Чу и Талас было сосредоточено около 30 000 джунгарских воинов. Они внезапно напали на казахские роды, рассредоточенные по кочевьям. Вторым сыном Цэван-Рабдана Шуно Доба (Шуно Лоузан), находившийся во главе ойратских войск, «отнял у них (казахов. – *Авт.*) в 1723 году столицу ханов их Туркестан, Ташкент и Сайрам и, наконец, совсем покорил власти своей некоторые отделения Большой и Средней орд» [13, с. 167].

Следует заметить, что нападение ойратских войск имело повод, поскольку не сдерживаемые уже волей хана Тауке военные отряды, сформированные в жузах и даже на уровне улусов, вновь возобновили набеги, в частности, на волжских калмыков. Как бы то ни было, но последствия похода джунгар стали особенно трагичны. Как пишет А.И. Левшин, «стесненные и преследуемые с трех сторон, они могли бы быть совсем истреблены, если бы не удалились на юг. Остатки Большой орды с малою частью Средней откочевали тогда к Ходжанту, большая часть Средней – к Самарканду, Меньшая – к Хиве и Бухаре» [13, с. 167]. Автор ссылается на рассказ посла и помощника оренбургского губернатора А.И. Тевкелева, лично беседовавшего в 1748 г. с известным старшиной Средней орды Букенбаем, который сказал, вспоминая то время: «Мы бегали тогда от калмыков, башкирцев, казаков сибирских и яицких

как зайцы от борзых собак» [12]. Это время осталось в истории казахов как годы великого бедствия («Ақтабан шубырынды»). Народ нуждался в вожде, который смог бы решить не только экономические, но и военно-политические проблемы, который смог бы взять на себя всю ответственность за любые последствия. А.И. Левшин так говорит об этих событиях: «Опасность примирила внутренние междоусобия, возродила общее согласие и направила всех к одному предмету. В собрании целого народа положено двинуться вперед, напасть на общих врагов и вытеснить их из древних земель киргиз-казацких. Общее предприятие тотчас освящено клятвою в верности друг другу. Хан Абульхайр избран главным предводителем [13, с. 168].

1726–1927 гг. стали временем объединения казахов в борьбе против джунгаров. В конце 1726 – начале 1727 г. в районе Орда-Баса западнее Шымкента был созван Всеказахский съезд, на котором было создано второе общеказахское ополчение во главе с ханом Абулхайром (1693–1748; хан Младшего жуза с 1710 г.). Объединенные силы начинают постепенно вытеснять джунгар. В 1727 г. на юго-западе Казахстана, у реки Буланты, произошло одно из крупных сражений за весь период казахско-джунгарского военного противостояния. В Булантинской битве джунгары потерпели поражение, в связи с чем сама местность получила у казахов название «Калмак кырылган» («Место гибели калмыков»).

Весной 1729 г. в 120 км к юго-западу от оз. Балхаш произошла Ангракайская битва (по названию местности – Ангракай). Это было последнее в этой войне крупное сражение между объединенными войсками казахских жузов и джунгарами, которые вновь потерпели поражение, а само место сражения сохранилось в памяти народа как «Ит-ишпес Ала-коль» (дословно: «Озеро Ала-куль, воду которого не станет пить даже собака»). Однако закрепить успех в полной мере казахи не смогли. Ссора, произошедшая между ханами Абулмамбетом, Самке и Абулхайром за право стать старшим ханом всех жузов вновь развела жузы по сторонам. Из объединенного ополчения сразу вышли Младший и Средний жузы. Казахам удалось отстоять свою политическую независимость и сохранить свои территории, но ряд земель, в том числе Семиречье, захваченное в свое время Эрдени Батуром, они вернуть себе не смогли.

Тяжелы были и последствия казахско-джунгарских войн в экономическом отношении. Изгнанные джунгары оставили после себя опустевшие и разграбленные города. Замерла торговля, нарушилась цикличность традиционных кочевий, деформировались экономические связи кочевников с земледельческими районами Средней Азии. Кроме того, часть населения Старшего жуза стала зависимой от джунгарских властителей. Таким образом, план джунгарской агрессии против казахов был к началу 40-х годов XVIII в. реализован лишь частично. Сдерживающим захватнические интересы джунгар стал факт присоединения Казахстана

к России. Вместе с тем и в последующем джунгары не оставляли захватнические замыслы.

Заключение. Следствием образования Джунгарского ханства стало усиление давления ойратов на казахские жузы. От локальных, время от времени происходящих набегов и стычек, джунгары перешли к целенаправленному захвату казахских земель с целью включения их в Джунгарское государство. Резкое обострение казахско-джунгарских отношений в начале XVIII в. привело к череде войн, продолжавшихся все первое тридцатилетие.

Одной из причин ойратско-казахских войн конце XVII – начале XVIII в. стало стремление первых овладеть новыми территориями, особенно в сырдарьинском направлении, что открывало им путь к рынкам, потребность в которых с развитием кочевого животноводства для ойратов была архиважной. Еще более важным мотивом стала борьба за пастбищные территории. Овладение ими решало, во-первых, экономический вопрос (о корме для всеразраставшихся стад), во-вторых, административно-государственный (дробление на многочисленные улусы и закрепление их за столь же многочисленными владетельными наследниками опять-таки требовало новых территорий). Но самым фундаментальным был вопрос власти, распространение политического и даже религиозного влияния в формате Джунгарства.

Список источников

1. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1969. 649 с.
2. *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства 1635–1758. Москва: Наука, 1983. 336 с.
3. *Сулейменов Р.Б., Мусеев В.А.* Из истории Казахстана XVIII в. (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата: Наука, 1988. 144 с.
4. *Мусеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи: XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1991. 231 с.
5. Early voyages and travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen. Leningrad, 1886.
6. *Пищулина К.А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI века (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата: Наука, 1977.
7. ЦГАДА. Ф. Сношения России с ногайскими татарами. Кн. 1.
8. *Мендикулова Г.М.* Казахская диаспора: история и современность. Алматы: Всемирная ассоциация казахов, 2006. 343 с.
9. *Тынышпаев М.* Материалы к истории киргиз-казахского народа. 2-е изд. Алматы: Дайк-Пресс, 2012. 485 с.
10. Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: пер. с калм. /сост. А.В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 285 с.

11. *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений: в 5 т. Алма-Ата: Наука, 1985.
12. Русско-монгольские отношения. 1636–1654 гг.: сб. документов. Москва, 1974.
13. *Левшин А.И.* Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 2009. 656 с.
14. *Иванов П.П.* Очерки истории каракалпаков // Труды Института востоковедения. Москва; Ленинград, 1935.
15. ЦГАДА. Ф. Сибирский приказ. Оп. 1. Д. 544. Л. 212.
16. Мухаммед-Юсуф-Мунши. Мукум-ханская история: пер. с тадж. А.А. Семенова. – Ташкент, 1956.
17. *Позднеев А.М.* К истории зюнгарских калмыков. Санкт-Петербург, 1887.
18. *Тынышпаев М.* История казахского народа. Алматы: Санат, 1997. 224 с.

References

1. Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv. Alma-Ata: Nauka, 1969. 649 s.
2. *Zlatkin I.YA.* Istoriya Dzhungarskogo khanstva 1635–1758. Moskva: Nauka, 1983. 336 s.
3. *Suleimenov R.B., Moiseev V.A.* Iz istorii Kazakhstana XVIII v. (o vneshnei i vnutrennei politike Ablaya). Alma-Ata: Nauka, 1988. 144 s.
4. *Moiseev V.A.* Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi: XVII–XVIII vv. Alma-Ata: Nauka, 1991. 231 s.
5. Early voyages and travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen. Leninigrad, 1886.
6. *Pishchulina K.A.* Yugo-Vostochnyi Kazakhstan v seredine XIV – nachale XVI veka (Voprosy politicheskoi i sotsial'no-ehkonomicheskoi istorii). Alma-Ata: Nauka, 1977.
7. TSGADA. F. Snosheniya Rossii s nogaiskimi tatarami. Kn. 1.
8. *Mendikulova G.M.* Kazakhskaya diaspora: istoriya i sovremennost'. Almaty: Vsemirnaya assotsiatsiya kazakhov, 2006. 343 s.
9. *Tynyshpaev M.* Materialy k istorii kirgiz-kazakhskogo naroda. 2-e izd. Almaty: Daik-Press, 2012. 485 s.
10. Lunnyi svet: Kalmytskie istoriko-literaturnye pamyatniki: per. s kalm. /sost. A.V. Badmaeva. Ehlista: Kalm. kn. izd-vo, 2003. 285 s.
11. *Valikhanov CH.CH.* Sbranie sochinenii: v 5 t. Alma-Ata: Nauka, 1985.
12. Russko-mongol'skie otnosheniya. 1636–1654 gg.: sb. dokumentov. Moskva, 1974.
13. *Levshin A.I.* Opisanie kirgiz-kazatskikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepi. Almaty: Sanat, 2009. 656 s.
14. *Ivanov P.P.* Ocherki istorii karakalpakov // Trudy Instituta vostokovedeniya. Moskva; Leningrad, 1935.

15. TSGADA. F. Sibirskii prikaz. Op. 1. D. 544. L. 212.
16. Mukhammed-Yusuf-Munshi. Mukim-khanskaya istoriya: per. s tadzh. A.A. Semenova. – Tashkent, 1956.
17. *Pozdneev A.M.* K istorii zyungarskikh kalmykov. Sankt-Peterburg, 1887.
18. *Tynyshpaev M.* Istoriya kazakhskogo naroda. Almaty: Sanat, 1997. 224 s.

Статья принята к публикации 15.06.2022/
The article has been accepted for publication 15.06.2022.

Информация об авторах:

Акмалдин Сапардинович Ажидинов, ректор, кандидат технических наук, доцент

Алияш Тойбековна Дуйсекова, доцент кафедры истории Казахстана и юриспруденции, кандидат исторических наук

Нурсултан Наурызгалиевич Отеуов, магистр юридических наук

Information about the authors:

Akmaldin Sapardinovich Azhidinov, Rector, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

Aliyash Toybekovna Duysekova, Associate Professor at the Department of History of Kazakhstan and Jurisprudence, Candidate of Historical Sciences

Nursultan Nauryzgalievich Oteuov, Master of Laws

